УДК/UDC 343.8

Историко-правовой анализ формирования советской пенитенциарной системы (1937-1941 гг.)

Иваненко Анна Владиславовна
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Сочинский филиал ФГБОУ ВО Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
г. Сочи, Россия
e-mail: ivanenko2510@mail.ru
SPIN-код: 4784-9912

Малкова Юлия Александровна
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Сочинский филиал ФГБОУ ВО Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
г. Сочи, Россия
e-mail: malkov01@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается историческая ретроспектива формирования нормативно-правовой базы, регламентирующей период формирования пенитенциарной системы в предвоенные годы. Проводится анализ статистических показателей осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Исследуются особенности статуса военнопленного и основания признания им. Систематизируются элементы советской пенитенциарной системы: тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, детские приемники-распределители, лагеря для военнопленных, спецлагеря и спецгоспитали, которые находились в составе уголовно-исполнительной системы НКВД СССР. Определяются цели создания и функционирования каждого из них – от изоляции, обучения и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей до лишения свободы и принудительных работ с исправительно-трудовым воздействием или смертной казни. Выводы содержат оценку разумности и эффективности сфор-

мированной на начальном этапе функционирования системы пенитенциарных учреждений.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система, директивы, постановления СНК.

Historical and legal analysis of formation of the soviet penential system (1937-1941)

Ivanenko Anna Vladislavovna
Candidate of Law Sciences, associate professor, manager of the Department of the theory and history of state and law
Sochi branch of Aii-Russian State University of Justise (RPA of the Ministry of Justice of the Russia)
Sochi, Russia
e-mail: ivanenko2510@mail.ru
SPIN-код: 4784-9912

Malkova Ylia Aleksandrovna
Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of the theory and history of state and law
Sochi branch of Aii-Russian State University of Justise
(RPA of the Ministry of Justice of the Russia),
Sochi, Russia
e-mail: malkov01@rambler.ru

Abstract

The article discusses the historical retrospective of the formation of the regulatory framework governing the period of the formation of the prison system in the prewar years. The analysis of statistical indicators of prisoners held in places of deprivation of liberty is carried out. The features of the status of a prisoner of war and the grounds for recognizing him are investigated. The elements of the Soviet penitentiary system are systematized: prisons, forced labor colonies, forced labor camps, labor educational colonies for minors, detention centers for children, prisoner of war camps, special camps and special hospitals that were part of the criminal-executive system of the NKVD of the USSR. The goals of the creation and functioning of each of them are determined - from isolation, training and re-education of juvenile offenders to imprisonment and forced labor with corrective labor

exposure or the death penalty. The findings contain an assessment of the reasonableness and effectiveness of the prison system formed at the initial stage of functioning.

Key words: penitentiary system, penal system, directives, decisions of the Council of People's Commissars.

Пенитенциарная (уголовно-исполнительная) (пер. с лат. poenitentia – раскаяние) советская система включала в себя содержание подследственных, исполнение наказания (связанного с лишением свободы или смертной казнью), а также осуществление профилактики преступности среди населения, особенно молодежи. К уголовно-исполнительной системе относились и образованные на территории страны в годы Великой Отечественной войны лагеря для военнопленных немецкой и японской армий, спецгоспиталь и спецлагерь НКВД СССР.

Нельзя не согласиться с профессором Н.А. Морозовым, что по существу немцы и их союзники, попавшие в русский плен, были лишены статуса военнопленных [1, с. 108]. Фактические пленные считались военными преступниками, которые наравне с уголовными и политическими преступниками находились в уголовно-исполнительных учреждениях. Бывшие военнослужащие вражеских армий лишались свободы за нарушение законов и обычаев войны, за проведение в тылу Красной Армии шпионской, диверсионной и террористической деятельности и совершение общеуголовных преступлений в лагерях.

Следует подчеркнуть, что тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря, трудовые воспитательные колонии для несовершеннолетних, детские приемники-распределители, лагеря для военнопленных, спецлагеря и спецгоспитали находились в составе НКВД СССР и входили в общую советскую пенитенциарную систему.

Все объекты пенитенциарной системы являлись местами принудительного заключения. Основным положением советской пенитенциарной политики являлась идея исправления осужденного с помощью общественно полезного труда.

С помощью принудительного труда пытались исправить лиц, вступивших на преступный путь, создавать необходимые стране экономические объекты. Даже в детских приемниках-распределителях, где находились беспризорные и безнадзорные дети, упор в работе делался на развитии трудовой деятельности и дальнейшем трудоустройстве на предприятиях страны.

Как отмечает В. Н. Бубличенко в своей кандидатской диссертации «Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России: 1935-1956 гг.», детские закрытые учреждения являлись составной частью советской пенитенциарной системы. Детские закрытые учреждения (куда входили детские приемники-распределители и детские воспитательно-трудовые колонии) были составной частью пенитенциарной системы, организация, комплектование и деятельность которой осуществлялись через органы Наркомата внутренних дел СССР. Под детскими приемниками-распределителями понимались структурные подразделения НКВД-МВД СССР, занимавшиеся приемом с последующим распределением и передачей в соответствующие государственные учреждения или на воспитание в семьи беспризорных и безнадзорных детей. Детскими воспитательно-трудовыми колониями являлись специальные структурные подразделения уголовно-исполнительной системы НКВД-МВД СССР, занимающиеся изоляцией, обучением и перевоспитанием несовершеннолетних правонарушителей [2, с. 4].

Советская пенитенциарная система состояла из:

1) тюремной системы;
2) исправительно-трудовых лагерей и исправительно-трудовых колоний;
3) детских приемников-распределителей (ДПР) и трудовых воспитательных колоний (ТВК) для несовершеннолетних;
4) лагерей для военнопленных, спецлагерей (проверочно-фильтрационных лагерей) и спецгоспиталей НКВД СССР.

Исполнительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. сформулировал требования о необходимости соединения наказания в виде лишения сво-

боды и принудительных работ с исправительно-трудовым воздействием. Приобщение осужденных к правилам социалистического общежития мыслилось в соблюдении режима, трудовой дисциплины, активном участии в культурно-воспитательных мероприятиях. В правовую базу пенитенциарной системы советского государства было включено постановление СНК СССР от 7 апреля 1930 г. об утверждении «Положения об исправительно-трудовых лагерях», ставшее основой для формирования лагерной системы.

Карательная уголовная политика советского государства в 30-е гг. представляла собой ужесточение наказания к лицам, совершившим преступления. Принятый в 1933 г. новый ИТК РСФСР отличался большей суровостью и жесткостью, чем предыдущий кодекс 1924 г. [3, с. 215].

7 апреля 1935 г. принимается закон «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». На его основании несовершеннолетние с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, могли привлекаться к уголовному наказанию.

Нормативно-правовые источники предвоенного времени сформулировали цели исправительно-трудовой политики:

1. Ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству.
2. Перевоспитывать заключенных, направляя их труд на общеполезные цели и организуя его на началах постепенного приближения от принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества.

Становление уголовно-исполнительной системы совпало с массовыми репрессиями, что способствовало переполнению заключенными тюрем, исправительно-трудовых колоний и лагерей. Российский историк В. Н. Земсков подсчитал, чтос1 января 1937 г. по 1 января 1939 г. контингенты лагерей и колоний выросли с 1,2 до почти 1,7 млн. человек. В тюрьмах на 1 января 1939 г. числилось 350 тыс. заключенных. В ян-

варе 1940 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 1 334 408 заключенных, в колониях – 315 584 и в тюрьмах – 190 266 человек. Всего в лагерях, колониях и тюрьмах находилось тогда 1 850 258 заключенных [4, с. 70]. Советский исследователь В. А. Чаликова отмечала, что «. . . в 1937-1950 гг. в лагерях, занимавших огромные пространства, находилось 8-12 млн. человек» [5, с. 158].

Комиссар государственной безопасности СССР Н. И. Ежов, выступая в г. Горьком в 1937 г., заявил: «Товарищи, борьба еще не кончена. На нашем пути встретится еще немало трудностей. Не надо забывать, что наша страна находится во враждебном капиталистическом окружении. . . чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры, фашиствующей буржуазии, которая . . . засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей» [6].

Только за 1937-1938 гг. по политическим статьям было арестовано 1,5 млн. человек. Из них 1 344 923 человек были осуждены за контрреволюционные преступления, половина из них приговорена к высшей мере наказания [7, с. 318].

В 1937-1938 гг. в крае на тюремные нары попадали люди, невзирая на преклонный возраст, болезни или былые заслуги перед Советской властью. В 1937 г. был арестован ветеран революции 1905 г. Порфирий Семьянов, умерший в камере следственной тюрьмы через две недели. Смертным приговором закончились следственные действия в отношении 72-летнего Василия Яковлевича Бирюкова.

Львиную долю всех решений внесудебного органа по уголовным делам в 1937-1938 гг. составляли смертные приговоры или значительные сроки изоляции. В особые тройки входили: первый секретарь ВКП(б), начальник управления НКВД, председатель краевого совета народных депутатов.

Допросы проходили часто ночами, следователи меняли друг друга, чтобы «сломать» свои жертвы. Нередко применялось физическое воздействие (например, избиение мешком, наполненным песком, после чего не оставалось следов побоев).

Репрессиям подвергались и семьи осужденных «врагов народа», наказание распространялось на их жен и детей. Усилило уголовную ответственность за антисоветскую деятельность постановление ЦИК СССР от 2 октября 1937 г., где были повышены максимальные сроки наказания от 10 до 25 лет лишения свободы за такие преступления, как шпионаж, террор и диверсии.

Директивой НКЮ СССР № 13с от 15 апреля 1938 г. «О квалификации контрреволюционных террористических высказываний» была усилена уголовная ответственность за высказывания, содержавшие террористические намерения в отношении руководителей партии и правительства. Такие дела предписывалось квалифицировать «политически правильно» и применять вместо п. 10 (агитация и пропаганда) п. 8 (терроризм) ст. 58 УК РСФСР, предусматривавший в отличие от п. 10 в качестве меры наказания расстрел [8, с. 390].

В 1940 г. Указ Верховного Совета СССР запретил рабочим оставлять или менять место работы. Нарушителям грозило тюремное заключение от 2-х до 4-х месяцев. Прогул или отсутствие на работе 20 минут мог послужить отправке до 6 месяцев в исправительно-трудовые лагеря. По этому указу было осуждено около 3 млн. Человек [9, с.195].

В 1937 г. параллельно с политическими репрессиями проводилась и зачистка уголовного мира, представителей «социально вредного и деклассированного элемента». Задерживались уже отбывшие наказание уголовные преступники, лица без постоянного места жительства, не имевшие паспорта, нищие, бродяги на основании циркуляра НКВД СССР № 61 от 7 августа 1937 г. Все эти лица подлежали аресту и должны быть направлены в места, где должны заниматься общественно полезным трудом.

Окончание периода «большого террора 1937-1939 гг.» было связано с изданием секретного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [10, с. 308], где отмечалось, что при ведении следственных мероприятий часто происходило нарушение социалистической законности.

В целом репрессии в СССР, продолжавшиеся вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г., имели циклический характер, то нарастая, то затухая, затронувшие все группы населения советского государства. В 1940 г. снова начались массовые аресты, 560 тыс. з/к пополнили тюрьмы, лагеря и колонии страны. Всего накануне войны в ГУЛАГе числилось 3 млн. 350 тыс. человек, подвергшихся различным видам наказания [11, с. 55].

Система мест заключения в довоенный период (1937-1941 гг.) включала в себя: тюрьмы, исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии, исправительно-трудовые лагеря.

Таким образом, одним из основных принципов действия пенитенциарной политики было стремление к полной самоокупаемости мест заключения и перевоспитанию заключенных с помощью трудовой деятельности. Действие пенитенциарной системы представляло собой содержание подследственных в местах исполнения наказания с лишением свободы (в тюрьмах, ИТК, ИТЛ), применение высшей меры наказания – расстрела, а также осуществление профилактики преступности, особенно среди несовершеннолетних путем создания ДПР. Появление и развитие ИТК и ИТЛ было обусловлено как избытком заключенных и необходимостью их занятости, так и решением экономических и государственных вопросов, связанных со строительством стратегических объектов и заселением удаленных территорий. Все объекты пенитенциарной системы являлись местами принудительного заключения. Основным положением советской пенитенциарной политики являлась идея исправления осужденного с помощью общественно полезного труда.

Формирование пенитенциарной системы в 1937 г. совпало с массовыми репрессиями, прокатившимися кровавыми волнами по всей стране. Действующие тюрьмы были переполнены. Люди находились в нечеловеческих условиях, многие страдали от болезней, нехватки воздуха, качественной пищи и воды. Переполненность тюремной системы и желание привлекать многочисленные массы заключенных к работе на экономических объектах страны повлекли выделение из тюрем и создание

исправительно-трудовых колоний. ИТК отличались нестабильностью, часто расформировывались, перебазировались или сливались с другими структурными подразделениями системы НКВД.

Подводя итоги анализа нормативно-правовой базы периода становления пенитенциарной системы в предвоенные годы необходимо отметить потенциальную динамику ее роста и противоречия принципам человечности. Репрессивный характер был присущ практически всем санкциям, закрепленным в уголовном и уголовно-исполнительном законодательствах.

Список литературы

1. Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948-1954 гг.). Сыктывкар, 1998. – 156 с.

2. Бубличенко В. Н. Детские закрытые учреждения НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России: 1935-1956 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007. – 22 с.

3. Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000. – 355 с.

4. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. 1991. № 6. С. 10-27.

5. Чаликова В. А. Архивный юноша // Нева. 1988. № 10.

6. Речь товарища Николая Ивановича Ежова перед избирателями Горьковского-Ленинского избирательного округа в. г. Горьком // Правда. 1937. 11 дек. № 339 (7305).

7. Население России с XX в.: в 3 т.; т.1. М., 2000.

8. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России. История. Документы: в 6 т.; т. 5: Советское государство. М., 2003. – 829 с.

9. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России: учебник / под ред. Ю. И. Кашнина. Рязань, 2006. – 374 с.

10. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Т I. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко; отв. составитель И. А. Зюзина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

11. Земсков В. Н. Заключенные в 1930-е годы. Социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1995. № 4. С. 54-79.

References

1. Morozov N. A. Special camps of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in Komi ASSR (1948-1954). Syktyvkar, 1998. – 156 P.

2. Bublenko V. N. Children 's closed institutions of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR in the European North of Russia: 1935-1956: autoref. Dis.... edging. Science. Syktyvkar, 2007. – 22 P.

3. Ryabinin A. A. Problems of punishment at a new stage of improvement of criminal and criminal enforcement legislation: monograph. Domodedovo: VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. – 355 P.

4. Zemkov V. N. GULAG (historical and sociological aspect) // SOCIS. 1991. № 6.

5. Chalikova V. A. Archival young man//Neva. 1988. No 10. P. 10-27.

6. Speech by comrade Nikolai Ivanovich Daily in front of voters of the Gorky-Lenin constituency c. Gorky // Truth. 1937, December 11, No. 339 (7305).

7. Population of Russia since XX century: in 3 tons; t.1. M, 2000.

8. Kutafin O. E., Lebedev B. M., Semigin G. Y. Judiciary in Russia. History. Documents: in 6 tons; Vol. 5: Soviet State. M., 2003.- 829 P.

9. Rent Yu. A. History of the penal correction system of Russia: textbook/ed. Yu. I. Kashnina. Ryazan, 2006. – 374 P.

10. History of Stalin 's Gulag. The end of the 1920s - the first half of the 1950s. Collection of documents in 7 volumes. / T I. Mass repression in the USSR ed. N. Werth, S.V. Mironenko; open compiled by I. A. Zyuzin. - M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004.

11. Zemkov V. N. Prisoners in the 1930s. Socio-demographic problems//Domestic history. 1995. No 4. P. 54-79.